

DOI: 10.21779/2077-8155-2023-14-4-28-41

УДК 316.42:297

Содержание статьи

Информация о статье

*М.Г. Курбанов*¹

Введение
Теоретические подходы к пониманию
исламской идентичности
К соотношению исламской и
мусульманской идентичности
Заключение

Поступила в редакцию: 24.11.2023
Передана на рецензию: 25.11.2023
Получена рецензия: 05.12.2023
Принята в номер: 13.12.2023

Теоретические проблемы понимания исламской идентичности и ее роли в развитии общества

*Дагестанский государственный университет; Дагестанский федеральный
исследовательский центр Российской академии наук; kurbanovm@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются теоретические проблемы формирования исламской идентичности и ее роль в развитии общей идентификационной структуры общества. Актуальность познания феномена исламской идентичности обусловлена ростом востребованности религиозных, и в частности исламских, ценностей, формирующих идентификационный образ самосознания верующих в современном обществе. Теоретическая проблематика исламской идентичности исследуется в соотношении и сопоставлении с мусульманской идентичностью. Наряду с общими доминантами они имеют очень важные особенности и различия, вызывающие не только теоретические споры, но и разнообразные дискурсивные контексты многомерной актуализации ислама в современном обществе. Эти сложности понимания требуют адекватных методологических средств и способов системного и междисциплинарного познания. Для этого автор использует принципы системного и структурного подходов к многомерному пониманию исламской идентичности. Обобщая результаты разных аналитических подходов к теоретическому видению проблем исламской идентичности, автор пытается сформулировать интегрированное понимание многообразия значений мусульманской идентичности, исходя из религиозной сущности самого ислама и условий его существования в современном глобальном многополярном мире.

Ключевые слова: ислам, идентичность, структура идентичности, исламская идентичность, мусульманская идентичность, мусульманин.

DOI: 10.21779/2077-8155-2023-14-4-28-41

UDC 316.42:297

Content of the article

Information about the article

¹ *Муса Гасангусейнович Курбанов* – профессор кафедры философии и социально-политических наук, научный руководитель Центра исламских исследований Северного Кавказа ФГБОУ ВО «ДГУ»; ведущий научный сотрудник Регионального центра этнополитических исследований Дагестанского федерального исследовательского центра Российской академии наук, доктор философских наук; orcid.org/0000-0002-6231-7535.

M.G. Kurbanov²

Introduction.
Theoretical approaches to understanding
Islamic identity.
On the correlation between Islamic and
Muslim identity.
Conclusion.

Received: 24.11.2023
Submitted for review: 25.11.2023
Review received: 05.12.2023
Accepted for publication: 13.12.2023

Theoretical Problems of Understanding Islamic Identity and Its Role in the Development of Society

*Dagestan State University; Dagestan Federal Research Center of the Russian
Academy of Sciences; kurbanovm@mail.ru*

Abstract. The article examines the theoretical problems of the formation of Islamic identity and its role in the development of the general identification structure of society. The relevance of cognition of the phenomenon of Islamic identity is due to the growing demand for religious and, in particular, Islamic values, which form the identification image of believers' self-consciousness in the contemporary society. The theoretical problems of Islamic identity are studied in relation to and comparison with Muslim identity. Along with common dominants, they have very important features and differences that cause not only theoretical disputes, but also various discursive contexts of multidimensional actualization of Islam in modern society. These difficulties of understanding require adequate methodological tools and methods of systemic and interdisciplinary cognition. To this end, the author applies the principles of systemic and structural approaches to a multidimensional understanding of Islamic identity. Summarizing the results of various analytical approaches to the theoretical vision of the problems of Islamic identity, the author attempts to express and formulate an integrated understanding of the diversity of meanings of Muslim identity, based on the religious essence of Islam itself and the conditions of its existence in the modern global and multipolar world.

Keywords: Islam, identity, identity structure, Islamic identity, Muslim identity, Muslim.

Введение

Проблема идентичности во всех ее значениях занимает видное место в современных социально-гуманитарных исследованиях и жизни общества в целом. Значительное внимание в научных исследованиях уделяется религиозно-конфессиональной идентичности, в частности ее исламскому образу, который, как и все другие, отражает в себе единство и многообразие форм существования и реализации человека, рассматриваемого, в частности, как мусульманина, культивирующего, догматизирующего и исповедующего ислам. Говоря об исламской идентичности, следует иметь в виду, что, в отличие от других религий, ислам определяет не только религиозный, но и мирской образ жизни, в котором провозглашается сочетание доктринально-догматических требований с многомерным синтезом нравственно-этических, правовых, культурно-исторических, государственно-политических, цивилизационных и других форм, сфокусированных и центрированных вокруг религиозного (в данном случае – исламского) источника идентичности. Между этими формами могут возникать согласованные сочетания, прочные переплетения, которые ведут к усилению, укреплению исламской идентичности и делают ее гибкой. Но если между ними

---

² *Musa Gasanguseynovich Kurbanov* – Dr. Sc. (Philosophy), professor at the Department of Philosophy and Socio-Political Sciences, chief scientific officer at the Center for Islamic Studies of North Caucasus, DSU; leading researcher at the Regional Center for Ethnopolitical Studies of the Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences; orcid.org/0000-0002-6231-7535.

возникают расхождения, конфликты, то их арбитром становится именно доктринально-догматическая форма исламской идентичности, определяемая Кораном.

В современных исламоведческих исследованиях проблематике исламской идентичности уделяется особое внимание. По ряду существенно важных вопросов, ученым удалось прийти к согласию, но некоторые вызывают острые дискуссии, особенно проблема смыслового разграничения и пределов распространения ключевых понятий. Что же является более важным в понимании идентичности – соответствие, приверженность, согласованность, принадлежность субъекта некоему образцу, идеалу, типу, роду, виду, классу? В системе теоретических знаний сложилось множество концептуальных подходов к пониманию и определению обширного многообразия форм организации идентичностей. В исследовании исламской идентичности эти подходы распределяются в диапазоне значений от необходимых и неизбежных до невероятных и неприемлемых. Разные теории идентичности могут обособленно формироваться и выражать соответствующее разнообразие возможностей.

В числе первых возникло два известных подхода к пониманию идентичности – примордиалистский (связанный с натурализмом) и конструктивистский (позиционируемый среди проективных и антинатуралистических концептов). В примордиализме исламская идентичность понимается через безусловную принадлежность человека и общества тому предзаданному порядку, который предписан ходом самой жизни и подлежит неукоснительному и непосредственному исполнению. В исламской идентичности этот подход истолковывается в рамках непосредственного исполнения мусульманами воли Всевышнего [18].

Теоретические подходы к пониманию исламской идентичности

В ходе развития теоретических представлений об исламской идентичности в исламоведении оказались востребованными достижения самых разных социально-гуманитарных наук. Это обстоятельство обусловлено тем, что феномен идентичности оказался рассредоточенным не только между разными дисциплинарными границами, но и между многими концептуально-теоретическими подходами, не укладываясь целиком ни в один из них. Доминирующее методологическое значение имеют философские взгляды на проблемы идентичности, но и они часто нуждаются в существенных корректировках прикладного характера.

Согласно субстанциалистскому подходу все социально значимые идентичности (в том числе и религиозные) в обществе каузально предшествуют поступкам и действиям, объясняя их функциональную определенность, направленность и последовательность [20, с. 392]. Поэтому исламская идентичность может функционировать в качестве социального механизма позитивной актуализации мер пресечения и исключения греховных соблазнов и связанных с ними действий в повседневной жизни мусульман. Но проблематика повседневности выпадает из субстанциальных очертаний идентичности. Если атрибутивное понимание раскрывает идентичность как неотъемлемое качество субъекта, приближенное к формату повседневности, то субстанциальное понимание показывает идентичность как первичное основание всякой субъективности. В социально-политологических теориях постлиберализма исследуются проблемы столкновения идентификационных систем [10]. Это видно на примере проблем развития межидентификационных взаимодействий в Европе. Иммиграция, воспринимавшаяся в европейской идентичности прошлого века как ресурс развития, теперь видится как угроза идентичности, так как мусульманская диаспора достигла критической массы и продолжает неудержимо расти. Резкий скачок миграции из

мусульманских и африканских стран в Европу трансформирует политику европейской идентичности. Если раньше она была направлена на мягкое отрицание интеграционных тенденций, то теперь усиливаются антимигрантские настроения, многие европейцы не хотят проявлять толерантность к меньшинствам. В меняющихся европейских условиях миграционный формат исламской идентичности открывает новые горизонты восприятия веры, новые возможности и угрозы. Все это может привести к модернизации и посмодернизации ислама. При этом рассматриваются возможности минимизации исламской идентичности, чтобы мусульманам было проще жить на Западе, подчиняя гражданским и политическим нормам Европы [13].

В настоящее время в западном обществе избыточная свобода, а также потребление клиповых шаблонов, мифологем и манипулятивных идеологем приводят к трансформации личностных структур идентичности. Теории деидентификации [14] также разрушают персонифицированную архитектуру человека.

В постструктурализме идентификация рассматривается как неустойчивая, неуравновешенная, дестабилизированная структура [21, с. 41]. Исламская идентичность так характеризуется из-за деструктивных течений ислама, дискредитирующих суть ислама и практикующих экстремизм и терроризм в политической и повседневной жизни.

В рамках конструктивизма [18] исламская идентичность может быть представлена через способность человека и общества, руководствуясь основами ислама, выбирать, находить и создавать приемлемый и желанный порядок жизни. Социально-конструктивистские теории могут быть нацелены на разумное конструирование и проектирование современных позитивных нарративов исламской идентичности, формируемых на основе новых возможностей существования человека и общества. В этих теориях исламская идентичность может развиваться и реализовываться в зависимости от широкого диапазона общественных отношений между людьми с учетом соответствующих разумных целей, ценностей и идеалов, сообразуемых с исламом.

Перформативистские теории [2] выражают образ идентичности, формируемый в зависимости от действий, распределяемых в исламской идентичности от ритуальных, обрядовых действий до повседневных поступков мусульман. В психологии такие теории получили свое оформление наряду с концептами бихевиоризма. Для понимания исламской идентичности эти теории представляют интерес в ходе изучения духовных практик верующих. В детерминистских теориях идентичности понимаются как возникающие в системах различных зависимостей, привязанностей и каузальных отношений, которые в исламе также имеют место. В индетерминистских теориях идентичности не имеют однопорядковых отношений зависимости и однозначных привязанностей [3].

Теории монистической идентичности нацелены на формирование и реализацию единого образа идентичности, включающего в себя допустимое разнообразие сочетаемых признаков. Теории плюралистической и множественной идентичности нацелены на структурное, комбинированное, поливариативное сочетание множества образов идентичностей в одном и том же субъекте [13, с. 161]. Каждый человек может идентифицировать себя в семье, в религии, в нации, в гражданстве. Это разнообразие и не мешает комбинировать их в разных, пропорциях по своему усмотрению.

Является ли ислам одним из оснований наряду с другими, формирующими идентичность человека и общества, или он должен быть единственным основанием? Каждый человек решает этот вопрос по своему усмотрению. Но в обществе, безусловно, таких факторов присутствует множество. В ходе развития между

разными идентификационными основаниями могут возникать отношения согласия, разногласия и индифферентности. Признавая этническое, историческое, национальное, конфессиональное и др. многообразие социальных общностей, признавая «ту сложную смесь менталитета и культуры, которая не только характеризует какой-либо народ, но и объединяет его, и отличает от всех других сообществ» [17, с. 223], следует принять во внимание и такое же многообразие идентичностей, способных не только вступать между собой в согласованные, интегрированные формы, но и дифференцированными, обособленными структурами. Это означает, что любая идентичность, в т. ч. и исламская, может находиться как в отношении соперничества, так и в отношении согласованного разграничения своих позиций с любой другой идентичностью.

При генетическом подходе к пониманию исламской идентичности мы «рассматриваем истоки религии в генезисе человеческого общества» [16, с. 61]. В случае разделения в развитии общества этнической и религиозной составляющих на модели этногенеза и теогенеза пути развития идентичности могут быть как сходными, так и различными. Так, межидентификационный конфликт теогенеза с этногенезом может быть решен в соответствии с тем, что «теоцентрический подход постулирует блокирование таких тенденций этногенеза, которые не соответствуют идеалам конфессиональной идентичности» [9, с. 156]. Доминирование именно конфессиональной основы в данном конфликте связано с тем, что процессы этнизации исламской идентичности представляются в исламе недопустимыми, несмотря на их реальное проникновение в различные структуры сознания мусульманской идентичности. В то же время процессы исламизации этнической идентичности могут быть признаны вполне допустимыми как на общем уровне этнического сознания мусульман, так и на личностном уровне сознания. Это связано не только с тем, что ислам формирует и религиозную, и мирскую сферу в жизни общества. Этничность может полагаться и как сфера, в которой религиозная форма воспринимается в виде благоприобретенного источника совершенствования самой же этничности.

Если исходить из того, что структуры идентичности могут быть моноцентричными, биполярными (дуалистическими) и многополярными (плюралистическими, полицентричными), то традиционалистский ислам, в отличие от канонического ислама, может быть выражен через теоретические модели как биполярной (дуалистической), так и многополярной (полицентричной, плюралистической) идентичности мусульман. В связи с тем, что «совокупность традиционных исламов является основой плюралистичности мусульманского мира» [12, с. 19], в отличие от своего догматического моноцентризма, ислам в рамках традиционализма допускает согласование между конфессиональными и этническими началами мусульманской идентичности. «Формирование же традиционалистского ислама связано с локальными этнокультурными особенностями» [13, с. 49] всего уклада жизни, поэтому традиционалистский ислам всегда был направлен не только на согласование, но и на безраздельное слияние этнических и конфессиональных начал идентичности.

В структуре исламской идентичности формируются разные векторные значения, согласованно определяющие место и роль мусульманина в повседневной жизни. Шариат определяет значение каждого человеческого поступка. Тарикат – значение человеческих усилий на пути к Всевышнему. Хакикат открывает перед человеком меру постижения вечной исламской истины, изложенной в Коране. Структурное разнообразие идентичности обусловлено самыми различными факторами (и их комбинированными сочетаниями) ресурсного, статусного, динамического и других значений. Если идентичность не воспроизводится, то ее существование прекращается, и такое прекращение может быть вызвано любым из

этих факторов, либо структурно-статусными основаниями, либо функционально-динамическим потенциалом. Если разные идентичности направлены на решение одной и той же проблемы, то они вступают между собой в такое взаимодействие, которое либо приведет к конфликту, либо позволит избежать его. В случае конфликта идентичностей одна из них будет преобладать, а другая нивелируется. В особых условиях, таких, как конвенциональные, конвергентные, аппроксимальные и другие, связанные с близостью согласуемых факторов взаимодействия, вполне возможно и гармоничное, согласованное сочетание разных идентичностей с четким разграничением сфер их реализации. Так, религиозная идентичность очень часто получала разные исторические форматы реализации наряду с морально-этической, мультикультурной, этнокультурной, этнополитической и другими комбинированными сочетаниями идентичностей, особенно в тех случаях, когда была общая позиция при решении возникающих проблем.

Между разными идентичностями (религиозными, этническими, политическими и др.) не может быть полного соответствия, ибо, сливаясь в целостность, растворяясь друг в друге, они утрачивают статус свои отличительные черты. Разные идентичности (например, исламская и этническая) могут сочетаться, комбинироваться, синтезироваться только в тех отношениях, в которых между ними нет противоречий, разногласий, расхождений. Складывающееся между разными идентичностями соответствие может быть частичным по времени (эпизодическим, периодическим) или по пространству (стратификационным, интенциональным, фрагментарным). Разные идентичности могут вступать в отношения частичного соответствия, которое приводит их к такому же частично согласованному взаимодействию, выраженному во взаимодополнении и взаимоусилении своих ролей и значимостей. Разные идентичности могут не только находиться в определенных соответствиях, но и вступать в конфронтацию между собой, что выражается в их конфликтности и последующем противоборстве, противодействии друг другу (частично или полностью). Третий вариант соотношения разных идентичностей – их индифферентность, нейтральность друг к другу.

Любая идентичность в множестве социальных субъектов, позиционирующих содержание и форму своей идентификационной предопределенности, всегда имеет облачный характер, который центрируется и локализуется на основе схождения общезначимых смыслов и значений, в зависимости от которого постоянно отсекаются девиантные, пограничные и периферийные сферы, дискредитирующие или разлагающие характер данной идентичности. Идентичность может верифицироваться, подтверждая свою реальность или область действительной реализуемости, а также фальсифицироваться, выражая запредельные значения своей адекватности или осуществимости.

При конструктивистском подходе используются методологические возможности универсализации и унификации. Универсализация обеспечивает возможность соединения любого общезначимого значения с любым иным общезначимым значением. Унификация методологически обеспечивает соединение, интеграцию любого частного значения с любым иным частным значением, которое в одной ситуации может быть востребованным, а в другой – нет. Согласно конструктивизму любая идентичность может возникать и формироваться на основе процессов моделирования, проектирования, программирования благодаря возможностям, достижениям и разработкам всех концептуально совместимых с конструктивизмом подходов структурализма, синергетизма, институционализма и др. [18].

Иерархия разных идентичностей в каждом субъекте может иметь самые разные очертания, которые могут меняться или сохранять устойчивость в зависимости от времени, места и обстоятельств. Любая ценность, любой идеал,

любой образ, взятые отдельно или комбинировано с другими, могут стать генетическим источником и ядром соответствующей идентичности, конституируемой по всем правилам, в том числе и в ущерб самому субъекту, носителю и творцу этой идентичности.

В отличие от требований общества с архаическим укладом в цивилизованном обществе представляется, что роль религиозного (в данном случае – исламского) фактора в формировании этнической идентичности должна быть более весомой и значительной, чем роль этнического фактора для формирования исламской идентичности. Исламская идентичность является более монолитной и гомогенной по сравнению с этнической идентичностью. Существуют этническая (национальная), поселенческая (из родного села, района, города) региональная (Северо-Кавказская), государственная (российская) идентичности.

В годы Советской власти практика религиозной (исламской) идентичности находилась под ограничениями и запретами. В авторитарном, патерналистском обществе идентичность предписывается как дар, от которого нельзя отказаться или уклониться. Авторитарное общество определяет каждому человеку его место и роль в обществе. Принудительно и авторитарно «навязанное обществом видение порядка вещей – как природного, так и социального – предписывало и закрепляло за людьми определенные роли, так что идентичность человека, его место в общей схеме мира представало в качестве неделимого целого, которое он вряд ли мог принять» [5, с. 100]. В современной России государственные запреты сменились нормативными и законодательными регламентами, что повлекло за собой открытую межконфессиональную конкуренцию. Нельзя полностью согласиться с тем, что «сегодня на Северном Кавказе разворачивается по сути открытое сражение за право влиять на формирование постсоветской (уже нес советской) идентичности» [11, с. 71]. Можно сказать, что сейчас идет сложный процесс федерального формирования многомерной комплементарной, сбалансированной системы российской идентичности. В этих условиях процесс позитивной исламизации может получить свою реализацию, только находясь в легитимных, правовых пределах цивилизованного сосуществования и равноправного развития всех религиозно-конфессиональных факторов российского общества. Здесь также надо иметь в виду, что идентичность, возникающая из разума, отличается от идентичности, открываемой чувством, интуицией, верой или их комбинированными структурами. «Начавшаяся в VII в. исламизация Северного Кавказа» [11, с. 71] никогда не прекращалась. Она адаптируется к меняющимся историческим условиям, и возникают новые формы существования и сосуществования с остальными культурно-историческими достижениями.

Исламская идентичность в России является неотъемлемой частью российской идентичности, объединяющей и направляющей все усилия народов и религий России на достижение общего цивилизационного благополучия и процветания. Современная Россия – это не православное и не исламское государство, а светское и федеративное, в котором православие, ислам и другие религии равны перед законом. Российская идентичность в силу своего цивилизационного статуса является открытой она не ограничена и не замкнута ни на один из своих атрибутивных признаков [19]. Она открыта для всех народов, придерживающихся ценностей, способствующих развитию и процветанию России. Более того, в действительности «этот общецивилизационный российский уровень идентичности не отменяет этнических и религиозных идентичностей, а призван оберегать и защищать их» [15, с. 37], обеспечивать возможностями для развития.

Религиозное самосознание россиян является гетерогенным, многомерным, многовекторным, вариативным, но это не препятствует свободному развитию каждой религий и всех конфессий вместе взятых в их свободном самоопределении и

сохранении своих идентичностей. Исламская идентичность, в отличие от христианской, разделяющей религиозное и мирское, не укладывается только в пределы религиозной идентичности, поскольку в исламском сообществе религия определяет весь жизненный уклад.

К соотношению исламской и мусульманской идентичности

В исламоведческой литературе ведется дискуссия о соотношении исламской и мусульманской идентичности. В ходе дискуссии сформировались разные мнения, которые можно свести к тому, что эти идентичности полностью тождественны, либо они имеют множество различий, вплоть до сплошной путаницы и неразберихи [7, с. 83; 8, с. 230]. Несмотря на очевидные аргументы в пользу того, что мусульманская идентичность по сравнению с исламской идентичностью ограничена и имеет прикладной характер, «отсутствует однозначная точка зрения на содержательные компоненты мусульманской идентичности» [7, с. 82]. Следует признать, что могут быть как крайние, так и промежуточные значения контекстного характера этих идентичностей. В силу ряда объективных причин вполне допустима семантическая область, в которой исламская и мусульманская идентичности могут быть тождественны, близки друг другу и совпадать, выражая. Также следует признать, что по причине социального, культурно-исторического и личностного многообразия есть идентификационная область, в которой исламская и мусульманская идентичности существенно различаются, а их отождествление чревато искажениями объективного характера и реального содержания исламской веры. Это наиболее очевидно в области решения проблем структурной интеграции конфессионально-этнических процессов, протекающих в условиях развития современной цивилизации. Но в то же время их различия имеют границы, меняющиеся в зависимости от социально-политического, культурно-исторического и личностного многообразия мусульманского сообщества (уммы). Только сообщество мусульман (умма) может иметь адекватный аналог исламской идентичности, исключая колебания и погрешности, имеющиеся у разных общин мусульман и у самих мусульман. Тождество исламской и мусульманской идентичности базируется на том, что перед Всевышним все мусульмане равны. Это равенство мусульман обусловлено тем, что исламская идентичность является для них результатом духовного нисхождения общей для всех божественной благодати. Расхождение этих идентичностей обусловлено различием позиций, взглядов и ожиданий верующих по отношению к воле Всевышнего. Имеется в виду, что мусульманин, избегающий греховных соблазнов, никогда не может быть равен грешнику (фасик, фитна), поддавшемуся искушению. Поэтому можно утверждать, что мусульманская идентичность по целому ряду существенных признаков выступает в качестве конкретного прикладного фрагмента исламской идентичности.

Если исходить из того, что есть разные уровни понимания ислама и связанные с этим различия в отношении мусульманина к исламу, то можно признать, что «с одной стороны, есть народный ислам со своими ритуалами и общинами, напоминающими традиционное общество, а с другой – ислам книжный» [6, с. 98], определяемый полнотой и глубиной понимания святого писания – Корана. Если первое представление представление об исламе определяется культурно-историческим процессом, то второе – религиозной картиной мира, отображенной в Коране. Исламская идентичность, по идее, может быть только одна, навеки предопределенная и предопределяемая Кораном, а мусульманских идентичностей – столько, сколько есть мусульманских сообществ и самих мусульман, так как человек не способен до конца понять истинную суть ислама. Таким образом, нужно признать, что различия между исламской и мусульманской идентичностями существуют.

Исламская идентичность формируется исходя из универсального, абсолютного, догматического начала, а мусульманская делает акцент на конкретное практическое, ритуально-действующее начало ислама. В связи с этим, в теоретическом представлении феномен исламской идентичности относится к разряду номинальных, трансцендентных и стабильных структур идентичности, а феномен мусульманской идентичности – к разряду действительных, имманентных, личностных и динамичных структур идентичности [22]. Номинальная идентичность в исламе выражает не только принадлежность высших смыслов и значений к исламской вере, но и сущностное, законосообразное содержание принадлежности верующего к исламу. В отличие от номинальной, действительная идентичность выражает конкретное, практическое, личностное значение принадлежности к исламу, имеющее множественный и выборочно реализуемый характер, определяемый пониманием места человека в мире. Мусульманская идентичность возникает в результате воздействия ислама на сознание и образ жизни каждого человека, отличающегося от каждого в отдельности и от других людей, взятых вместе. Согласуемые с исламом основные убеждения, ценности, идеалы и жизненный опыт мусульман образуют ту основу, на которой конструируется целостный образ мусульманской идентичности.

Носителем исламской веры является человек, мусульманин. Если исламская идентичность самодостаточна, то мусульманская идентичность как личное, человеческое отношение к Всевышнему, всегда нуждается в защите, поддержке, уважении и развитии в соответствии с основами исламской идентичности. В отличие от исламской идентичности, охватывающей все отношения в исламе, и в первую очередь отношение верующих ко Всевышнему, мусульманская идентичность выражает виды, формы и способы отношений ко Всевышнему через личное и доверительное восприятие в сочетании с такими же отношениями между мусульманами. Это означает, что мусульманская идентичность выражает личностные и межличностные особенности жизненного пути верующего к богу. Эти особенности при всем их многообразии у разных людей обусловлены той общей верой, которая сплавивает их, во-первых, на основе признания Всевышнего как единого и единственного творца и Мухаммеда как его посланника; во-вторых, на основе сознательного служения человеку Всевышнему, подчинения, покорности и исполнения его воли. Сингулярно-ценностные признаки мусульманской идентичности, такие, как согласие, солидарность, содружество, сопереживание, сотрудничество при всей устремленности души человека к богу никогда не смогут исчерпать всю полноту и выразительность исламской идентичности, нисходящей к мусульманам от Всевышнего через такие инвариантно-ценностные признаки, как милость (*рахман*), милосердие (*рагим*), святость (*куддус*), справедливость (*адль*) и др.

В отличие от мусульманской идентичности, имеющей множественное, веерное, избирательное, вариативно-облачное существование в различных тарикатистских общностях, исламская идентичность является единой и неделимой формой выражения догматической сущности самого ислама, определяемой Всевышним и зафиксированной в Коране и Сунне. Если в исламской идентичности выражается религиозная субстанциальность веры, то в мусульманской идентичности выражается личностное восприятие религии. Мусульманская идентичность сводится не к самим ценностям, мыслям, чувствам и действиям, а к тем, кто ценит, мыслит, чувствует и действует, кто руководствуется ими, активно, ответственно и наиболее полноценно реализует их в ходе своей повседневной жизни.

Исламская идентичность предопределена для каждого мусульманина не только покорностью души воле Всевышнего, но также и трепетным отношением к Святому Писанию (Коран) и Святому Преданию (Сунна, Хадисы), открытых перед

всеми, независимо от меры понимания и осознания их смысла и содержания. Мусульманская идентичность, в отличие от исламской идентичности, выражает индивидуально-личностный, персонифицированный статус исламской идентичности, включающей в себя не только мусульманскую множественность людей, но также и их социальный, коммуникативный, дискурсивный статус, охватывающий различные школы (*мазхабы*) культурно-исторические типы и общности мусульман, практикующих приверженность различным масхабам (*таклид*). Если для мусульманской идентичности приверженность мусульман соответствующему мазхабу (*таклид*) является существенным признаком, то для исламской идентичности такая приверженность к мазхабам не является определяющим им признаком.

Появление мазхабов как социально-правовых, культурно-исторических и конфессионально-этнических общностей мусульман стало важной вехой в развитии принципов традиционализма в многомерной структуре исламской идентичности. В структурах традиционалистской идентичности ислам получил новые возможности для распространения и укоренения в обществе. Противоположной для традиционалистской идентичности в исламе является фундаменталистская идентичность. Исламский фундаментализм (*вусулийа*) начал активно проявлять себя в период исламской революции в Иране (1979 г.). Исламский «фундаментализм предлагает решение острых социально-политических и мировоззренческих проблем путём возвращения общественного сознания в идеализированное, упрощённое прошлое, в котором этих проблем якобы не было» [4, с. 53]. Постоянные призывы фундаменталистов к возвращению к истокам ислама в реальности невозможно осуществить, поскольку истоки ислама в свое время были доступны только пророку Мухаммеду и его современникам. Те, кто призывает вернуться к истокам или к временам, связанным с истоками, претендуют на то, чтобы занять место современников пророка Мухаммеда. Пытаться повернуть время вспять означает сопротивляться воле Всевышнего. Испытания веры, ниспосланные Всевышним в одно время, отличаются от испытаний, ниспосланных в другое время. Каждое поколение мусульман может жить в соответствии с исламом только в свое время, соразмерно используя свои возможности, которые определил Всевышний. Возвращение к шагам, пройденным прошлыми поколениями мусульман, искажает ход жизни, заданной Всевышним. Покорность Всевышнему, культивируемая отдельными верующими людьми в собственных образах мусульманской идентичности, не может быть тождественна исламской идентичности, охватывающей всех мусульман; примерно так же, как отдельные шаги не могут быть тождественны всему пройденному пути. Покорность Всевышнему является лишь исходным элементом мусульманской идентичности, в то время как принадлежность верующего исламу – это не только начало или промежуток пути, но и конечный пункт дороги к Всевышнему. Принадлежность к исламу включает в себя наряду с покорностью Всевышнему и богослужение, и соблюдение всех столпов, доктрин, догматов ислама, и стремление до конца следовать прямым путем к Всевышнему. Исламская идентичность постулируется всеми столпами и догматами ислама. Поэтому ни один мусульманин, будучи носителем мусульманской идентичности, не может представлять весь ислам и соответствующую ему исламскую идентичность. В христианском католицизме такая возможность есть у Папы Римского как полноценного выразителя, составителя и представителя всех ипостасей католической идентичности. В исламе католическая модель реализации религиозной идентичности неприемлема. Поэтому можно утверждать – то, что предлагают

исламские фундаменталисты, в конечном итоге ведет к катастрофе. Радикализация, порождающая экстремизм и терроризм, является следствием нарушений исламской идентификации, как вызванных заблуждениями, так и осознанных, обусловленных отклонениями от устойчивых норм социального миропорядка и связанного с ним миропонимания. На чувственном уровне исламская идентичность это принадлежность мусульманина к исламскому сообществу (умме) от патриархально-семейного родства до мирового сообщества мусульман. Здесь весь уклад повседневной жизни целиком определяется религиозным содержанием исламского вероучения. В отличие от исламской идентичности как результата достигнутой меры праведности, мусульманская идентичность связана с постоянным поиском верующим способов более полного к воли Всевышнего.

Заключение

Идентичность – это главное достояние сознания человека, при помощи которого он позиционирует себя в мире и принимает решения, определяющие его жизнь. Исламская идентичность может вполне гармонично вписываться в траекторию развития человеческой цивилизации. Исламское мировоззрение формирует сознательную приверженность мусульман религиозным принципам и культурно-историческому наследию ислама. В самом общем смысле идентичность представляет собой понимание человеком своей принадлежности к тому, что он считает своим, в отличие от нейтрального (иного), дружественного (другого), враждебного (чужого). Исламская идентичность – это не только покорность воле Всевышнего, но и полная принадлежность человека исламу, соблюдение его принципов и норм. Границы, пределы идентичности могут быть внешними (экстернальные) по типу «свое – чужое» и внутренними (интернальные) по типу «желанное – должное». В религии все чувства и мысли человека фильтруются верой, проходят сквозь ее решето, через которое пропускаются только предзаданные представления. Наука пользуется совершенно иным инструментарием. Научное понимание, в отличие от религиозного, не начинается с веры, а заканчивает ею, «прогоняя» все чувства и мысли человека сквозь факты.

Идентификация открывает человеку возможность для преодоления невежества. Идентификация – это сплетение ценностей, взглядов и представлений в повседневной жизни на которое ориентируется верующий человек. Ведь «для веры невежественный друг... хуже, чем разумный враг» [1, с. 28]. Поэтому идентификация идет по двум противоположным направлениям: человек открывает свою сущность, принадлежащую ему целиком, а также обнаруживает то, чему он принадлежит сам, пытаясь, исходя из своих знаний соответствовать этому идеалу. В первом случае идентификация реализуется как обретение человеком религиозной сущности ислама, а во втором – как воплощение своих религиозных представлений в мусульманском образе жизни.

Идентичности сначала в синкретическом виде смешиваются в клубок мифогенных, этногенных, психогенных и других идентификаторов, но по мере цивилизационного развития происходит раздвижение и разделение их на обособленное и интенциональное позиционирование. Источники идентичности могут быть сведены к одному результату, одинаковому для всех людей. Однако в действительности таких источников по мере развития цивилизации становится все больше и больше, и это многообразие не обязательно ведет к конфликтам и катастрофам. Всегда есть открытые возможности и готовые механизмы для примирения каждого со всеми и всех с каждым.

Литература

1. *Ал-Газали А.Х.* Правильные весы (ал-Кустас ал-Мустахим) – М.: Садра, 2018. – 184 с.
2. *Антонян К.Г.* Перформанс идентичности // *Международный журнал исследований культуры.* 2021. № 3 (44). – С. 91–102.
3. *Балдицына Е.И.* Онтологические основания теории социальных изменений: детерминизм и индетерминизм социальной реальности // *Вестник Ставропольского государственного университета.* 2010. № 3. – С. 165–171.
4. *Волобуев А.В., Кузина Е.С.* Исламский фундаментализм как фактор формирования идентичности современных мусульман // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики.* – Тамбов: Грамота, 2017. № 4 (78) – С. 51–54.
5. *Геллнер Э.* Разум и культура. Историческая роль рациональности и рационализма. – М.: Московская школа политических исследований, 2003. – 252 с.
6. *Дарендорф Р.* Соблазны несвободы. Интеллектуалы во времена испытаний. – М.: Новое литературное обозрение, 2021. – 360 с.
7. *Жаде З.А., Кумпилов Т.М.* Мусульманская идентичность как научная категория // *Вестник АГУ.* 2019. Вып. 1 (234). – С. 79–88.
8. *Кудряшова И.В.* Мусульманская политическая идентичность: единство и многообразие // *Идентичность: личность, общество, политика: энцикл. изд. / отв. ред. И.С. Семененко.* – М.: Весь мир, 2017. – С. 229–241.
9. *Курбанов М.Г.* Феномен человечности. – Махачкала: Алеф, 2016. – 224 с.
10. *Макаренко Б.* Либерализм эпохи постлиберализма // *Тетради по консерватизму.* 2021. № 3. – С. 169–180.
11. *Малашенко А.В.* Исламские ориентиры Северного Кавказа. – М.: Гендальф, 2001. – 180 с.
12. *Малашенко А.В.* Ислам: век XXI. – М.: Институт Ближнего Востока, 2019. – 230 с.
13. *Михалева А.В.* Исламская идентичность в светском обществе в концепции Т. Убру // *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки.* 2021. Т. 6, № 2. – С. 158–167.
14. *Моисеева Н.А.* Современное российское общество: формирование мы-идентичности // *Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 7: Философия.* 2011. № 1 (13). – С. 106–111.
15. *Мчедлов М.П.* Религиозная идентичность. О новых проблемах в межкультурных контактах / М.П. Мчедлов // *Социологические исследования.* 2006. № 10 (270). – С. 33–38.
16. *Перепелкин Л.* Религия ислам и идентичность в современном мире // *Ислам в современном мире: внутригосударственный и международно-политический аспекты.* 2010. № 3–4. – С. 60–67.
17. *Солдатова Г.У.* Психология межэтнической напряженности. – М.: Смысл, 1998. – 389 с.
18. *Тишков В.А.* О примирении конструктивизма и примордиализма (оммаж народоведу Андрею Владимировичу Головнёву) // *Этнография.* 2023. № 1 (19). – С. 6–25.

19. Тишков В.А. Российская идентичность: внутренние и внешние вызовы // Вестник Российской академии наук. 2019. Т. 89, № 4. – С. 408–412.

20. Bucher B. & Jasper U. Revisiting ‘identity’ in international relations: From identity as substance to identifications in action. *European Journal of International Relations*. 2017. no. 23 (2). – Pp. 391–415.

21. Guzzini, S. “Vision of itself” in foreign policy analysis: From the role of ideas to identity and recognition. *Teoria Polityki*. 2022. No. 6 (1). – Pp. 33–57.

22. Jenkins R. *Social Identity*. – L.: Routledge, 2004. – 218 p.

References

1. Al-Ghazali A.H. Correct scales “*Al-Kustas al-Mustakim*” – M.: Sadra, 2018. – 184 p. (In Russian).

2. Antonyan K.G. Performance of identity. *International Journal of Cultural Studies*. 2021. No 3 (44). – Pp. 91–102. (In Russian).

3. Balditsyna E.I. Ontological foundations of the theory of social change: determinism and indeterminism of social reality. *Bulletin of Stavropol State University*. 2010. No. 3. – Pp. 165–171. (In Russian).

4. Volobuev A.V., Kuzina E.S. Islamic fundamentalism as a factor in the formation of the identity of modern Muslims // *Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Questions of theory and practice*. – Tambov: Certificate, 2017.

No. 4 (78). – Pp. 51–54. (In Russian).

5. Gellner E. *Reason and culture. The historic role of rationality and rationalism*. Blackwell. Oxford UK & Cambridge USA, 1992.

6. Darendorf R. *The Temptations of unfreedom. Intellectuals in times of trials*. Moscow: New Literary Review. 2021. – 360 p. (In Russian).

7. Zhade Z.A., Kumpilov T.M. Muslim identity as a scientific category. *Bulletin of ASU*. 2019. Vol. 1 (234). – Pp. 79–88. (In Russian).

8. Kudryashova I.V. Muslim political identity: unity and diversity. *Identity: person, society, politics*. Encyclopedic edition / executive ed. by I.S. Semenenko. Moscow. The whole world, 2017. – Pp. 229–241. (In Russian).

9. Kurbanov M.G. *The phenomenon of humanity*. – Makhachkala: Aleph, 2016. – 224 p. (In Russian).

10. Makarenko B. Liberalism of the post-liberalism era. *Notebooks on conservatism*. 2021. No. 3. – Pp. 169–180. (In Russian).

11. Malashenko A.V. *Islamic landmarks of the North Caucasus*. Moscow. Gandalf, 2001. – 180 p. (In Russian).

12. Malashenko A.V. *Islam: the XXI century*. – Moscow: Institute of the Middle East, 2019. – 230 p. (In Russian).

13. Mikhaleva A.V. Islamic identity in a secular society in the concept of T. Ubru. *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences*. 2021. Vol. 6, no. 2. – Pp. 158–167. (In Russian).

14. Moiseeva N.A. Modern Russian society: the formation of we-identity. *Bulletin of Volgograd State University. Ser. 7, Philosophy*. 2011. No. 1 (13). – Pp. 106–111. (In Russian).

15. Mchedlov M.P. Religious identity. On new problems in intercivilizational contacts / M.P. Mchedlov. *Sociological research*. 2006. No. 10 (270). – Pp. 33–38. (In Russian).

16. Perepelkin L. Religion Islam and identity in the modern world. *Islam in the modern world: domestic and international political aspects*. 2010. No. 3–4. – Pp. 60–67. (In Russian).

17. Soldatova G.U. *Psychology of interethnic tension*. – Moscow. Sense, 1998. – 389 p. (In Russian).

18. Tishkov V.A. On the reconciliation of constructivism and primordialism (homage to the ethnologist Andrei Vladimirovich Golovnev). *Ethnography*. 2023. No. 1 (19). – Pp. 6–25. (In Russian).

19. Tishkov V.A. Russian identity: internal and external challenges. *Bulletin of the Russian Academy of Sciences*. 2019. Vol. 89, no. 4. – Pp. 408–412. (In Russian).

20. Bucher B. & Jasper U. Revisiting ‘identity’ in international relations: From identity as substance to identifications in action. *European Journal of International Relations*. 2017. No. 23 (2). – Pp. 391–415.

21. Guzzini S. “Vision of itself” in foreign policy analysis: From the role of ideas to identity and recognition. *Teoria Polityki*. 2022. No. 6 (1). – Pp. 33–57.

22. Jenkins R. *Social Identity*. – London: Routledge, 2004. – 218 p.